

О. А. Янутш*

РЕЧЬ Я. А. КОМЕНСКОГО «О КУЛЬТУРЕ ПРИРОДНЫХ ДАРОВАНИЙ» КАК «КЛЮЧ» К РУССКИМ ПЕРЕВОДАМ «ВЕЛИКОЙ ДИДАКТИКИ»**

Статья посвящена анализу особенностей переводов педагогических трудов Я. А. Коменского в России во второй половине XIX — начале XX вв. Специфика отечественной педагогической терминологии того времени и сложность языка самого Коменского не позволяли переводчикам точно передавать все смысловые нюансы. Многочисленные латинские понятия, означавшие разные компоненты его педагогической теории, переводились с использованием одних и тех же русских слов: «образование», «обучение» или «воспитание». В то же время перевод речи «О культуре природных дарований» содержит ряд значимых комментариев, которые позволяют лучше понять роль концепта «образование» в рамках философско-педагогических воззрений Я. А. Коменского в целом и динамику его рецепции в зеркале русских переводов «Великой дидактики».

Ключевые слова: Я. А. Коменский, перевод, педагогическая терминология, образование, воспитание, культура.

O. A. Yanutsh

J. A. COMENIUS' SPEECH «ON THE CULTURE OF NATURAL TALENTS» («ORATIO DE CULTURA INGENIORUM») AS THE KEY TO UNDERSTANDING RUSSIAN TRANSLATIONS OF «THE GREAT DIDACTIC»

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of Ya.A. Comenius' pedagogical works' translation in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries. The specifics of the domestic pedagogical vocabulary of that time and the complexity of the language of Comenius did not allow translators to convey all semantic nuances accurately. Numerous Latin terms, which meant the different components of his pedagogical theory, were translated

* Янутш Ольга Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; yanutsh@gmail.com

** Статья выполнена в рамках проекта «Эвристический потенциал философско-образовательного проекта Я. А. Коменского», поддержанного РФФИ, проект № 19–013–00940.

with the same Russian words: “education”, “training” or “upbringing”. At the same time, the translation of the Speech “On the Culture of Natural Talents” contains a number of significant comments that make it possible to understand the role of the concept “education” in the framework of the philosophical and pedagogical views of Ya. A. Comensky much better. Also their review helps understanding the dynamics of this concept reception in the mirror of the Russian translations of “The Great didactics”.

Keywords: J. A. Comenius, translation, pedagogical vocabulary, education, upbringing, culture.

Переводные тексты играют большую роль при изучении истории науки и отдельных этапов развития тех или иных сфер культуры. Они позволяют реконструировать духовно-исторический мир переводчика(ов) и выявить идеи, представлявшие наибольшую сложность в плане культурной рецепции.

Переводы работ Я. А. Коменского имели большое значение для развития русской педагогической терминологии. Вместе с тем Б. Б. Комаровский замечает, что часто «переводчики давали условный или вольный эквивалент термина, искажавший смысл иностранного слова» [2, с. 15–16]. И, как ни странно, в случае с трудами Коменского наиболее проблемным оказался сам концепт «образование».

Говоря о разных аспектах образовательной деятельности, Я. А. Коменский использовал большое число различных понятий, каждое из которых имеет специфическое поле коннотативных значений: *educatio* (воспитание, выращивание), *eruditio* (просвещение, обучение, «познание всех вещей, искусств и языков»), *disciplina* (наставление, воспитание, порядок, организация, обыкновения, навыки, принципы), *formatio* (образование, формирование), *institutio* (наставление, учение, устройство, образ действия) и др. [13].

В русских же изданиях «Великой дидактики» на русском языке, вплоть до 1982 г. все указанные выше понятия переводились одинаково: *образование, воспитание, обучение*. При подготовке издания 1982 г. единственное существенное изменение коснулось понятия *formatio*, производные от которого стали переводиться не как «образование», а как «формирование» человека (см. главы VI–VII).

В вводных статьях к изданиям второй половины XIX — начала XX вв. непременно отмечалась сложность языка оригинала: «языкъ Коменскаго весьма оригинальнъ; обилень неожиданными сближеніями, сравненіями, множествомъ своеобразныхъ оборотовъ, и вообще трудно поддается вѣрной дословной передачѣ въ переводѣ» [5, с. XIII]; «Языкъ его отличается необыкновенной силой и сжатостію; всюду сравненія и афоризмы, придающіе его слогу иногда слишкомъ рѣзкій, а иногда поэтической характеръ».

Поскольку переводы делались с латинских текстов, для понимания общего контекста и особенностей интерпретации этих текстов значимой представляется оценка лингвистических взглядов Я. А. Коменского проф. А. Д. Вейсманом. В своем выступлении на заседании учебно-воспитательного комитета по случаю 301-й годовщины дня рождения Я. А. Коменского он, в частности, указывал:

Латинскій языкъ, по мнѣнію Коменскаго, могъ бы быть пригоденъ только для западно-европейскихъ народовъ, у которыхъ онъ былъ тогда въ употребленіи; для остальныхъ же народовъ, особенно же восточныхъ и варварскихъ, онъ былъ бы слишкомъ труденъ. Да и вообще считалъ онъ этотъ языкъ труднымъ по обилію формъ склоненія и спряженія, по разнообразію синтаксическихъ правилъ и особенно по множеству исключеній. Кромѣ того, въ глазахъ Коменскаго латинскій языкъ не былъ такъ богатъ и гибокъ, какъ то требовалось идеей универсальнаго

языка (такъ напримѣръ онъ былъ мало способенъ къ образованію сложныхъ словъ). Наконецъ латинскій языкъ оказывался непригоднымъ въ силу совершенно особеннаго требованія со стороны Коменскаго, — требованія, вытекавшаго изъ его дидактической философіи: въ немъ не было правильнаго соотвѣтствія между предметомъ и его названіемъ или между предметомъ и словомъ, такъ какъ различные предметы нерѣдко по-латыни называются одними и тѣми же словами и, наоборотъ, однѣ и тѣ же вещи разными словами, и т. п. [10, с. 33].

Кроме того, следует учитывать, что любая национальная педагогическая терминология обладает собственной внутренней логикой развития. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. возникает единство «культурлексикона» европейцев в отношении понятий «культура» и «цивилизация» [1]. Однако с «образованием» происходит прямо обратное: формирование национальных педагогических систем привело к дифференциации категориальных аппаратов.

Так, например, в России семантические поля понятий «образование», «просвещение» и «культура» в принципе не различались очень долгое время. До сих пор нюансы значений таких понятий, как «образование», «обучение», «воспитание» и пр., существенно различаются в разных культурах.

Р. Александер (Robin Alexander) отмечает, что в отличие от термина education (англ. образование), произошедшего от латинского глагола *educere* (лат. выводить) и сохранившего именно этот аспект значения в качестве доминантного (англ. leading out), корень русского слова «образование» (*obrazovanie*) — «форма», «образ». Идея о неразрывной связи «образования» (*obrazovanie*) и «воспитания» (*vospitanie*), свойственная российской (советской) педагогике, не имеет эквивалента в английском, т. к. строится на совмещении сферы личного развития, приватной и общественной морали, гражданственности («гражданской приверженности»), в то время как в Англии они, как правило, рассматриваются в качестве отдельных и даже конфликтующих областей [12].

Для правильной рецепции текста «Великой дидактики» необходимо предварительное уточнение того значения, которое Я. А. Коменский придавал образованию как феномену человеческой жизни. Идея пансофийности, получившая последовательное развитие во всех педагогических трудах Коменскаго, предполагала «единство и целостность разных способов познания мира» [9, с. 130]. Образование не может исчерпываться конкретными «методами» обучения и воспитания. Как отмечает А. С. Степанова, «суть концепции Яна Коменскаго... состоит в свободном выборе путей образования, поэтому образовательная парадигма здесь на самом деле представляет собою проект» [11, с. 23].

Согласно Коменскому, видимый мир — «рассадник, питомник и школа для людей» [7, с. 266], в котором на протяжении всей земной жизни индивид формируется собственно как Человек. «Образование» — это не просто фундамент для «правильной» жизни, но постоянное усилие, направленное на приближение к образу Божиему и достижению соответствия Его замыслу, усилие, у которого нет и не может быть конечного предела.

Подробно рассматривая этот вопрос в первых десяти главах «Великой дидактики», Я. А. Коменский делает следующий вывод: “*Haec in genere, culturâ*

omnibus esse opus” [13, с. 36]. В изданиях советского времени данное предложение уверенно переводится следующим образом: «Вот что следует сказать вообще о том, что образование необходимо всем» [3, с. 103; 8, с. 206; 7, с. 284]. Однако в XIX в. переводчики, осознавая невозможность найти подходящий по смыслу эквивалент, писали так: «Вообще же образование (culturâ) необходимо для каждого» [5, с. 28].

Представляется, что концепт «culturâ» является тем «ключом», который может позволить точнее интерпретировать нюансы содержания «Великой дидактики». Для этого необходимо обратиться к содержанию речи «О культуре природных дарований» («Oratio de cultura ingeniorum»), в которой соотношение понятий «образование» — «culturâ» представлено наиболее рельефно.

На русском языке данная работа Я. А. Коменского была впервые издана в 1893 г. в переводе Л. Н. Модзалевского и затем не переиздавалась вплоть до 1955 г. Вместе с тем именно в ней лучше всего отражены не только ключевые педагогические идеи автора, но и вариативность форм их перевода.

Так же, как и в предисловиях к «Великой дидактике», в предисловии к указанному изданию 1893 г. переводчик (Л. Н. Модзалевский) отмечает, что сжатость, сила и образность языка Коменского решительно не поддавалась передаче на русский язык, кроме того «часто приходилось жертвовать легкостью и естественностью русской рѣчи, ради близости къ оригиналу» [6, с. 4]. В частности, в качестве эквивалента понятия «culturâ» были использованы в равной мере такие понятия, как «обработка», «образование» и собственно «культура».

Понятие «обработка» использовано при изложении общего предмета, которому посвящена речь: «что такое природное дарование (ingenium) и въ чемъ заключается обработка (cultura) дарования?» [6, с. 8]. И далее: «Я полагаю, что отсюда уже можетъ быть ясно, въ чемъ можетъ состоять обработка (cultura) природныхъ дарований, а именно: въ какомъ смыслѣ о человѣке говорится, что онъ воздѣлываетъ поле, огородъ... въ томъ-же смыслѣ — и душу свою (animam) или дарование (ingenium)» [6, с. 9].

Однако при использовании данного понятия как характеристики человека или народа, Л. Н. Модзалевский предпочитает использовать прилагательное «образованный»: «Хочешь-ли узнать хорошо образованнаго (bene cultum) человѣка?» [6, с. 10] Более того, дойдя до изложения 18 черт, отличающих «образованные» народы от «необразованных» («варваров»), он не считает нужным каждый раз указывать, что в оригинале в каждом из этих пунктов использованы именно производные от «culturâ»: «culti homines», «Cultis Populis» и т. д. [6, с. 11–14]. Впрочем, в сноске переводчик указывает, что Коменский понимал под «варварами всѣ вообще необразованные народы съ христіанской-европейской точки зрѣнія» [6, с. 11].

Этот момент является весьма показательным, т. к. деление народов на «культурные» и «некультурные» («дикие») было вполне привычным для того времени, а сам Л. Н. Модзалевский свободно использовал понятие «культура» в достаточно широком смысловом контексте. Во введении к указанному изданию, например, он пишет о великой «культурной борьбе», которую тогда вели славяне за свою самобытность; характеризует польский город Лешно как «культурный центр», привлекавший и венгров, и литовцев; отмечает,

что «юго-западные славяне того времени въ культурномъ отношеніи стояли гораздо выше своихъ нынѣшнихъ угнетателей» [6, с. 2–3].

Наконецъ, в ряде случаев переводчик использует непосредственно понятие «культура»:

Такъ какъ между образованнѣйшими народами Европы [в латинскомъ тексте: «cultissimas Europæ Gentes». — О. Я.] встрѣчаются и такіе, которые образованы (exculți) не по образу Божію, а по образу сатаны, то я долженъ васъ, мои любезные, предостеречь, чтобы кого-либо не сбило съ толку слово «культура» [в латинскомъ тексте: “CULTURÆ”. — О. Я.], которое одинаково относится къ людямъ, изошреннымъ какъ во злѣ, такъ и въ добрѣ» [6, с. 15; 14, с. 15].

Данный фрагмент принципиально важен для понимания идеи, развиваемой далее Я. А. Коменским: «Итакъ, намъ нужно такое образование (cultura), которое дѣлало-бы насъ способными всегда правильно разумѣть, желать, дѣствовать, высказывать» [6, с. 16].

И именно в этом контексте перечисление средств, «служащихъ обще-му образованію» любого народа [в латинскомъ тексте: “universali Culturæ inservientium” [14]. — О. Я.] приобретает дополнительные значения.

Такихъ «средствъ» восемь: 1) родители и кормильцы (няньки); 2) воспитатели (paedagogi); 3) общественные школы какъ мастерскіе гуманности (humanitatis); 4) хорошіе книги (и в школах, и вне школ); 5) частое общеніе с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, «имѣющее скрытую, но самую дѣйствительную силу для нашего улучшенія» [6, с. 21]; 6) постоянное упражненіе «въ ДѢЙСТВІЯХЪ (actiones)» [6, с. 22]; 7) мудрые правители и ихъ благочестиво-ревностное попеченіе; 8) Божія воля.

Такимъ образом, в концепте «образование» для Я. А. Коменского, говоря современнымъ языкомъ, в равной мере соединились элементы, относящиеся и к домашне-семейному воспитанію, и к институционализированному, формальному образованію, и к самообразованію, и к процессамъ социокультурной трансмиссии, и к практикамъ участія, и к государственной политикѣ в сфере образованія.

Очевидно, что передать всю многозначность подобнаго концепта средствами существовавшей в концѣ XIX — началѣ XX вв. отечественной педагогической терминологии было весьма затруднительно. В изданияхъ «Великой дидактики» второй половины XX в., такъ же какъ и в ряде посвященныхъ ей исследовательскихъ работъ, неоднократно отмечалось, что понятіе «дидактика» во времена жизни Коменского понималось гораздо шире и включало в себя «не только вопросы образованія и обученія, но и... практически все проблемы, которые являются предметомъ рассмотренія современной педагогики» [7, с. 20–21].

Задача усвоить «философскія, педагогическія и вообще культурныя идеи» [10, с. 14] Я. А. Коменского до сихъ поръ остается полностью не решенной и в высшей степени актуальной. Происходящая сейчасъ конвергенція исторіи педагогики, философіи и культурологии можетъ позволить намъ еще дальше продвинуться на этомъ пути, по-новому взглянуть и на самъ текстъ «Великой дидактики», и на особенности его рецепции на разныхъ этапахъ развитія отечественной философско-педагогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоян, Ю., Малафеев, А. Открытие идеи культуры: Опыт русской культурологии середины XIX — нач. XX вв. — М.: Объед. гуманит. изд-во, 2001. — 342 с.
2. Комаровский Б. Б. Русская педагогическая терминология. Теория и история. — М.: Просвещение, 1969. — 311 с.
3. Коменский Я. А. Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения. — Государственное Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. — 320 с.
4. Коменский Я. А. Великая дидактика / пер. с лат. [и предисл.] А. Щепинский, инспектор С.-Петербургской 2-й гимназии. — С.-Пб.: Типография Э. Арнгольда, 1893. — [2], XVI, 326 с.
5. Коменский Я. А. Великая дидактика. — СПб.: Прил. к журн. «Наша начальная школа», 1875–1877. — 312 с.
6. Коменский Я. А. О культуре природных дарований / пер. с лат. [с предисл.] Л. Н. Модзалевского. — СПб.: Ред. журн. «Образование», 1893. — [2], 44 с.
7. Коменский Я. А.. Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — 656 с.
8. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения / под ред., с биогр. очерком и примеч. проф. А. А. Красновского. — М.: Учпедгиз, 1955. — 651 с.
9. Марчукова С. М. Эвристический потенциал пансофийности в педагогическом наследии Я. А. Коменского // Человек и образование. — 2012. — № 4 (33). — С. 130–134.
10. Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского: По поводу 301 годовщины его рождения. — СПб.: Пед. музей воен. — учеб. заведений, 1893. — 68 с.
11. Степанова А. С. Стоицизм: философские новации и образование (от парадигмы к проекту) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2004. — Т. 4. — № 7. — С. 16–24.
12. Alexander R. Towards a Comparative Pedagogy / Cowen R. and Kazamias A. M. (ed.) // International Handbook of Comparative Education. — Springer, 2009. — P. 923–942. — URL: <http://www.robinalexander.org.uk/wp-content/uploads/2012/05/IHCE-chapter-59-Alexander.pdf> (дата обращения: 26.04.2019).
13. Comenii J. A. Opera Didactica Omnia. Amsterdami, Impenfis D. Laurentii de Geer, Excuderunt Christophorus Cunradus, & Gabriel à Roy, 1657. — URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 26.04.2019).
14. J. Amos Comenii Oratio de cultura ingeniorum A. 1650. d. 24. Nov. In Auditorio Majori Sáros-Patakini Dicta; nunc vero ob insigne ejus argumentum ex tenebris protracta. Typis Mathiæ Trattner, 1791. — URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 26.04.2019).